

*М. В. НИКОЛАЕВА**

ВМЕСТО ВЫБОРОВ — НА КЛАДБИЩЕ У МОГИЛЫ УЧИТЕЛЯ

Теплый сентябрьский выходной я провела у могилы одного из своих первых учителей философии вместе с его семьей, учениками и коллегами, большинство из которых не видела четверть века, а некоторых и вовсе ранее не знала. Воистину, Олег Михайлович Ноговицын стоял у истоков возрождения философского образования в России после Перестройки, когда я сама училась в Высшей религиозно-философской школе (ВРФС) в 1992–1996 годах. К сожалению, данная структура даже после успешной аккредитации и вручения всем выпускникам дипломов государственного образца ныне больше не действует как учебное заведение, по факту ушла в историю. Вот об этой истории я вкратце здесь и расскажу немного...

Когда я ушла в юности с биофака и уже ясно понимала необходимость систематического философского образования, я всем нутром не хотела возвращаться в СПбГУ, где тогда еще царило засилье прежних советских кадров. Мой запрос на истину удовлетворялся по тем временам скорее в суровой «школе жизни» и неформальных лекториях, где читали те, кто выжил в подпольях и кочегарках, наизусть зная диалектику Гегеля или как хобби выучивших древнегреческий или санскрит. Да, были такие люди!

Накануне моих метаний образовался Санкт-Петербургский Союз Ученых, у истоков которого стоял и мой первый научный руководитель Алексей Григорьевич Черняков (ушел из жизни в 2010 году), позже тщательно вычитывавший в ВРФС мою объемную дипломную работу по метафизике Аристотеля на основе оригинала. Именно здесь я нашла людей с хорошим уровнем образования — кандидатов и докторов, — которые умели мыслить и учили независимому мышлению, готовя самостоятельных философов!

* *Николаева Мария Владимировна*, выпускница Высшей религиозно-философской школы, специалист по восточным духовным практикам.

Лекции Олега Михайловича были завораживающим чудом, и я сидела на них все четыре года, неизменно включая в свою программу, а у студентов было право выбора. Помнится, как мы читали целый семестр всего пару страниц феноменологии Гегеля, да и подобное вчитывание было всегда. Самый изнуряющий прием лектора — это убедить слушателей в одном прочтении, а на другой день прийти и сказать: «Вы знаете, я немного подумал, и там оказывается все немножко наоборот...» — и начать развивать совершенно иную трактовку, с которой опять было нельзя не согласиться. Это доводило до отчаяния в попытках за что-то зацепиться!

Дар убеждения в том, что ставилось под сомнения, был у него огромный. Сейчас можно сказать, что Олег Михайлович также блестяще владел тем самым эмоциональным интеллектом, который нынче в моде. Никогда не сухие речи, а всегда глубоко проникновенное вопрошание, драматическая кульминация, пытливые обращения к каждому слушателю, требование задуматься и ответить по самой сути. Подобная настойчивость доводила до того, что при подготовке к лекциям я порой даже спала с томом Гегеля у подушки, засыпая с лихорадочно воспаленным мозгом и просыпаясь с каким-то новым озарением, чтобы броситься его проверить по тексту.

Тем паче, когда мы занимались онтологией — а мышление «чистого бытия» вообще штука незавидная. Помнится, на одной из лекций появилась некая вольнослушательница, которая села за первую парту и часто удивленно озиралась, вглядываясь в аудиторию. Больше она не появилась, а на другой день Олег Михайлович весело поделился с нами, что это была аспирантка философского факультета СПбГУ, которая так и не поняла, о чем шла речь, и как он в шутку подметил: «Куда они там смотрят — и что они там видят?». Да, на собственном мышлении проверить каждый вывод великих философов древности — так не учили и не учат в госвузах, и, увы, так уже больше не будут учить даже в ныне упраздненной ВРФШ.

Спектр пытливого исследования Олега Михайловича не ограничивался классической философией. Он брался за переосмысление и Библии, и русской литературы. Самым ярким, на всю жизнь запавшим уроком ветхозаветной мудрости стала лекция по книге Иова, мастерски с нарастающим напряжением воспроизводившая терзания праведника с драматической развязкой в конце, когда на вопрос: «За что?» — Бог гремит в ответ: «Где ты был, когда я создавал мир?» — и нам становится явным до безысходности, что *Бог выше справедливости*, и никакими своими заслугами не выторгуешь милости, которая либо есть, либо уж нет.

И, конечно, Достоевщина... В попытках промыслить поступки главных героев я тогда даже пыталась практиковать некоторые ходы мысли в личной жизни, доходя до абсурда. Помнится, сюжет с тайной свадьбой Ставрогина на дурочке я попробовала воспроизвести буквально, купив два церковных кольца и прямо предложив одно из них своему бывшему пациенту психиатрической лечебницы, где я ранее работала санитаркой. Наверное, мне сильно повезло, что он в испуге отказался, и я избежала сей участи. Но вот то самое «щекотание нервов» от осознания, что можно связать себя узами брака с «ничтожнейшим существом» человеку с хорошим образованием и сильным интеллектом, — оно прожито!

Мы нередко встречались в гостях у общих друзей, я даже бывала дома у Олега Михайловича по поводу обсуждения какого-то из своих текстов, да и вообще обстановка в школе была довольно неформальная, и мы видели наших преподавателей не только за кафедрой по ту сторону лектория. Всегда была возможность выпросить все самое главное за чашкой чая или прогуливаясь по улице, благо к тому располагала царившая в те годы атмосфера общего напряжения мысли, как некоего высоковольтного поля, где мы все резонировали друг с другом, как показало время, — и до сих пор. На похоронах выяснилось, что дело Олега Михайловича не пропало, и многие его ученики сейчас сами преподают в вузах и иных структурах.

Я смутно помню наши последние встречи с Олегом Михайловичем, которые на удивление происходили на эскалаторах метро, где мы просто чудом пересекались в городе. На предпоследней он в шутку просил забыть все сказанное, чтобы никто не узнал, а то, добавил он комично-озабоченно: «Вдруг я прославлюсь... ну, или Вы прославитесь!». Я и впрямь забыла, о чем мы тогда говорили, а вовсе не храню великий секрет. А в самую последнюю встречу после защиты диплома, когда у меня уже были на руках авиабилеты, он прямо-таки с восторгом, но и с подколом обернулся к нашему другому преподавателю, Григорию Исааковичу Беневичу, со словами: «Вот мы тут ерундой занимаемся, а человек летит в Индию!». Мой отлет стал той чертой, за которой пути наши разошлись.

Прошло почти четверть века с 1996 года, когда мы виделись в последний раз, и теперь встретились только на панихиде у его могилы.

Так я своеобразно проголосовала на выборах — за свободное мышление и самостоятельную философию, выверенную личным опытом проживания.